

любили его и сказалъ: «а мнѣ хочется....» и дальше я смутно припоминаю, что желаніе его—быть понятымъ другими, потому что онъ осуждалъ всѣхъ историковъ за невѣрное и виѣшнее описание фактovъ, и доказывалъ, что онъ описываетъ эти факты справедливо, потому что угадываетъ внутреннюю ихъ сторону.] 35

36 [Зимой 1869—70 года, послѣ окончанія романа «Война и Миръ», Льву Николаевичу вздумалось изучить древнегреческій языкъ и познакомиться съ классиками. Я достаточно знаю, что онъ изучилъ языкъ и познакомился съ произведеніями Геродота въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, тогда какъ прежде греческаго языка совсѣмъ не зналъ. Побывавъ тогда въ Москвѣ, онъ посѣтилъ покойнаго профессора Катковскаго лицея, П. М. Леонтьева, чтобы передать ему свои впечатлѣнія о древнегреческой литературѣ. Леонтьевъ не хотѣлъ вѣрить возможности такого быстраго изученія древняго языка и предложилъ почитать вмѣстѣ съ нимъ *à livre ouvert*. Въ трехъ случаяхъ между ними произошло разногласіе въ переводѣ. Послѣ уясненія дѣла профессоръ призналъ мнѣніе Льва Николаевича правильнымъ.] 36

Если «Война и Миръ» даетъ ясное представлениe обѣ эпохѣ Отечественной войны, а «Капитанская дочка» — обѣ эпохѣ Пугачевскаго бунта, нѣть сомнѣнію, что авторы ихъ обладаютъ замѣчательною способностью переноситься въ минувшія времена и события. Поэтому понятно, что знакомство съ классической литературой перенесло Льва Николаевича въ слишкомъ отдаленныя и чуждыя времена и вызвало въ немъ ничѣмъ повидимому не-